

Филатов
Леонид

24/VI-91

Столица в лицах

Труда - 1991 - 27 июня
с. 3

Леонид ФИЛАТОВ:

«НЕВОЗМОЖНО ИГРАТЬ КАРТОННЫЕ СТРАСТИ»

— Леонид Алексеевич, позади уже значительная часть жизни. Вы много работали, многое успели сделать...

— Грех жаловаться на судьбу: у меня много работы. Я удачливый артист, возможно, даже приличный. Сказать, что один из лучших в стране, нельзя: у нас слишком много талантливых, на несколько голов выше меня. Но кокетничать и говорить, что к этой профессии я не имею никакого отношения, я не вправе.

Я свою профессию нарабатал. Мне повезло на талантливых режиссеров. Повезло с Театром на Таганке. Но у меня есть ощущение, что я мог быть артистом, а мог быть еще кем-то...

— Ваши герои — очень разные люди, с разной судьбой, разным положением, но чем-то они похожи. Что сближает их?

— Кино научило меня максимально приближать к себе роль. Я всегда считал, что под роль не надо подминаться, наоборот — ее надо делать своею. Если приходится играть человека, адекватного мне по темпераменту, по возрасту, то, думаю, я должен наполнить его образ собой, своими сегодняшними проблемами, синяками и шишками. Все, что ты знаешь про эту жизнь, все, что волочись за собой, надо впихивать в эту роль.

Сейчас экран очень проявляет людей. Видя человека на экране, многое можешь о нем узнать: глуп или умен, храбр или труслив, степень его образованности, какие книги он любит и к какому политическому стану принадлежит. Люди проговариваются даже чужим текстом, оттого и происходит разделение зрительских пристрастий: по твоей роли видно, стоящий ли

ся, пошел в школу и все время, класса с пятого, потому что именно тогда появилась моя первая детская публикация в газете «Комсомолец Туркменистана», писал стихи. В старших классах я начал заниматься переводами.

Пока учился, стихи меня периодически «нагоняли». Когда уже был на втором или третьем курсе, появлялись в «Комсомольской правде» вирши, подписанные: «Леонид Филатов, ученик 6-го класса». Все это долго тянулось, стихи валялись по редакциям, и, в общем, все время была у меня какая-то связь с письменным столом.

В театре сначала большой работы не было, оставалась масса незаполненного времени, я продолжал писать по-прежнему. Видимо, я заполнял этим какой-то вакуум, пытался компенсировать постоянную актерскую зависимость чем-то своим, своевольным. Мне было интересно, но я мог бы без этого обойтись, чего не могут про себя сказать многие пишущие люди.

Нельзя сказать, что литература была делом моей жизни, моей прямой профессией. Я чувствую, что где-то есть дело, которое я мог бы делать лучше всех, но в чем оно выражается, я не могу до конца понять.

— Недавно снят фильм «Сукины дети» — ваша первая киноповествование. Возможно, вы сможете полнее раскрыть себя, осуществиться в режиссуре?

— Я не уверен: упущено то время, когда можно всерьез прийти в режиссуру. Ведь быть режиссером — не значит сделать одну картину и случайно «попасть». Это нужно превратить в систему, разработать некую эстетику, художественную идею. Но для этого нужна была бы другая жизнь. Так поздно в режиссуру не приходят: это труд, производство, два, три года на картину, на замысел, на его реализацию, огромное количество задействованных людей, своя «команда».

А «Сукины дети»... Трудно сказать, что побудило меня снять этот фильм. Я долгое время никак не реагировал на предложения Мосфильма. Но потом решил, что если будет нечто, что я смогу сделать лучше других, что я очень чувствую, что мне нужно из себя извлечь, то...

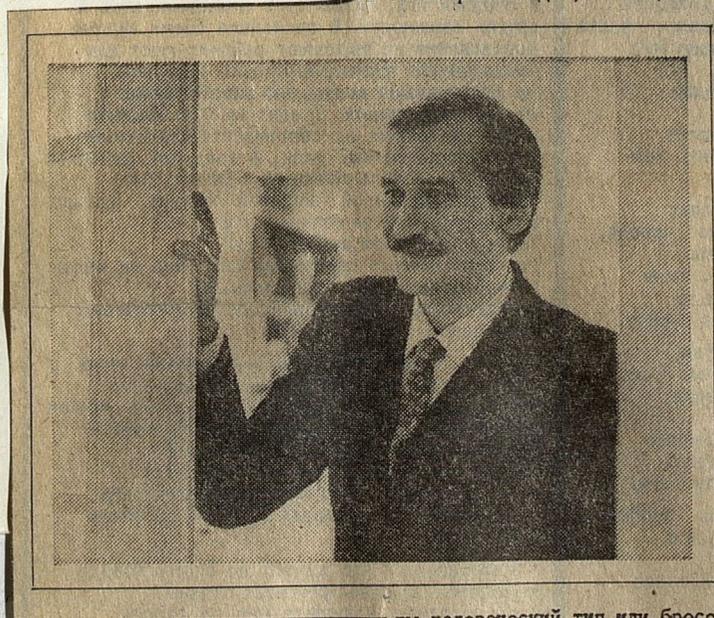
Это фильм о том, что люди, каждый из нас, носят в себе человека... Есть минуты, есть верховные часы, когда человек обязан стать человеком и в нем проявляется ощущение достоинства: «Я живу один раз, и что мне все на свете начальники, плевать я на них хотел. Я умру с легкими, полными воздуха, а не так, как они мне предлагают: сползти к безымянной могиле. Жизнь уникальна, она все-таки подарок божий, а не Советской власти или правящей партии. И подчиняюсь я только Господу Богу, а не им, с их идеями, доктринами, укладами и всем прочим».

— Вы заговорили о Боге, о своем подчинении Ему. Действительно, жизнь человека во многом определяется тем, во что он верит. Как определяет вера вашу жизнь?

— Я стараюсь быть верующим, пытаюсь совершенствоваться. Я крещеный человек. Крещеный сознательно, во взрослом возрасте. Но я еще многого не имею в душе, чтобы совершить, если можно так сказать, прорыв к Богу, когда вера становится необходимостью, когда ты начинаешь соответственно жить и вести себя. А я человек и суетный, и грешный. Я еще не тот верующий, который сообщает с Богом каждую секунду. А если человек суесловит, прыгает, балбесничает, дурака валяет, а потом вдруг делает серьезную морду перед телекамерой и говорит: «Я верующий», — то это какая-то декоративная вера. Мы пытаемся приспособить церковь под себя как институт, который нас облагораживает. Как бы говорим: «Облагораживайте меня». А церковь не должна тебя облагораживать. Облагораживайся сам.

Святые тяготились содеянным больше нас, тяготились, как кажется нам, пустяками. Грешники не тяготеют ничем. А талант — он и есть приближение к Богу.

Беседовал с артистом
Р. МОРОЗОВ.

ты человеческий тип или бросовый.

— Зачастую ваши герои — это люди с душевной болью, чем-то отягощенные. В чем причина выбора таких образов?

— Когда читаешь сценарий, то предполагаешь, что из него получится некий предмет искусства, начинаешь искать драму, сложность. Потому что как только возникает откровенный злодей или же откровенно положительный герой, становится ясно: все, предмет искусства не получится. Невозможно играть картонные страсти. Люди расколоты на половины. Есть в каждом процент зла, есть процент добра. И когда в человеке происходит внутренний конфликт, когда он сложен, а не прост, тогда интересно наблюдать его движение, его соотношение с внешним миром.

Я могу отважно играть почти негодяя, все равно его будет жалко. Он будет браться на кого-то с кулаками, устраивать скандалы, мучить своих близких, а я буду жалеть его, понимать, каково ему, откуда все эти выбросы. Я никогда не избрал бы ничего такого, что не находило бы ответа во мне самом.

— Вы говорили, что ваше призвание не ясно вам до конца. Вы пишете прозу, стихи. Это тоже попытка найти себя?

— Совсем недавно вышла книга «Бродячий театр», за ней другая — «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Это все, что я сумел сделать за жизнь. Ну, не совсем все, что-то осталось за бортом: юношеские стихи, прозаические опыты.

Писал я стихи давно и жил тогда в городе Ашхабаде, куда меня лет в шесть привезли родители. Там я рос, воспитывал-